

Бегай злого, делай благо

Елизавета ШАПОЧКА

Напротив Центральной городской публичной библиотеки имени А.П. Чехова, в самом центре Таганрога стоит старинный особняк, в котором до революции располагалась гостиница «Франция», в ней дважды останавливался писатель, когда приезжал в родной город, чтобы, в том числе, «осмотреть свою библиотеку». Сейчас в здании располагается научное конструкторское бюро «Миус» Южного федерального университета, в котором работает Дмитрий Михайлович Чехов - потомок двоюродного брата Антона Павловича.

Как говорят романтики, мировые линии сошлись, но этого могло не быть, если бы, не дай Бог, энергичный Егор Михайлович, дед Чехова, проехал бы мимо Таганрога. Не дай Бог! Кто знает, дала бы тогда наша Приазовская обитель незаменимое имя – Чехов.

Всякий раз, попав в неприметный окраинный уголок Таганрога, что на перекрестке улицы имени Р. Люксембург, 75 и Донского переулка, 2 невольно думаешь, что эта угловая усадьба с одноэтажным белёным известью домом, каких много на Руси и поныне, несет в себе тайну и загадку. Это, пожалуй, самый дорогой в мире уголок чеховской земли. Дед писателя, Егор Михайлович, приобрел его в конце 1840-х или в начале 1850-х гг. и записал на жену Ефросинью Емельяновну, бабушку Чехова. Некоторое время в доме жил сын Павел. Именно здесь, в родовом доме дедушки, родился Николай Чехов, талантливый художник и прекрасный музыкант. Дом стоит не тронутый реставрацией. Он молча хранит жизнь чеховского рода. Одно жаль, нет пока ключа, чтобы подобраться к этим тайнам.

Через забор, на усадьбе, разделенной между сыновьями Павлом и Митрофаном, стоит дом, построенный отцом писателя к осени 1874 года (Р. Люксембург, 77). Семейное счастье в новом доме длилось недолго. В апреле 1876 года Павла Егоровича постигло разорение. Чтобы избежать тюремного заключения, он тайно уезжает из Таганрога в Москву, как оказалось, навсегда. Дом за долги перешел к чиновнику коммерческого суда Гавриилу Селиванову, доброму знакомому Чеховых. Три года до окончания гимназии будущий писатель жил в доме отца квартирантом у Селиванова. В эти три года Антон написал пьесу «Безотцовщина», известную теперь всему театральному миру. В эти три года он возмужал, вырос и окреп духовно. Он стал Чеховым. Горечь к утраченному отцовскому дому Антон Павлович выказал в письме к родным 7 апреля 1887 года по приезде в Таганрог: «Дом Селиванова пуст и заброшен. Глядеть на него скучно, а иметь его я не согласился бы ни за какие деньги. Дивлюсь: как это мы могли жить в нем?!»

Среди первых поселенцев Таганрога фамилия Чехов не упоминается. Предки Чехова по отцу обитали в воронежских землях и принадлежали старинному дворянскому роду Тевяшовых. Когда Евдокия Степановна Тевяшова в 1790 году вышла замуж за Дмитрия Васильевича Черткова, часть обширных земель Тевяшовых перешла Чертковым, в том числе и село Ольховатка, в котором жил прадед Чехова Михаил Евстратьевич. Он родился крепостным в 1762 году. К 1835 году мы находим прадеда и семьи его сыновей - старшего Ивана, Артема и младшего Семена на ближнем хуторе Неровном, где они проживали с 1820 года.

В Неровновке среди сыновей Михаила Евстратьевича не видно 37-летнего Егора Михайловича - он живет отдельно от отца в слободе Ольховатка, где 8 тысяч жителей, школа, богадельня, лавки, более 60 ветряных мельниц, сахарный и винокурный заводы, 3 ярмарки. Таким образом, в 1830-е годы дед Чехова Егор Михайлович живет в Ольховатке Острогожского уезда, а его отец и трое братьев с семьями - в хуторе Неровном. Этот факт стал водоразделом судеб детей прадеда Чехова - Михаила Евстафьевича. К счастью, деда Чехова Егора Михайловича, хозяин людей и земель Александр Дмитриевич Чертков (1789-1858),

оказался талантливым человеком. Будучи ученым, археологом, нумизматом, библиофилом, он взялся за улучшение хозяйства имения.

В 1834 году Чертков строит для свеклосахарного завода кирпичное здание. В эти годы сахарный завод библиофила Черткова считался лучшим в Воронежской области, на нем трудилось более 400 рабочих. Прошел школу сахароварения и пятнадцатилетний Павел Егорович Чехов. Более того - Чертков заботился о грамотности населения. Он открыл в слободе школу, в которой обучалось 76 мальчиков и 8 девочек. По современным нормам, это, конечно же, совсем немного, учитывая, что в 1858 году, по данным 10-й ревизии, в Ольховатке проживало 7759 человек. Давая оценку образовательным программам Черткова, нужно иметь в виду, что на всю Воронежскую губернию тогда было всего 7 частных сельских школ.

По воспоминаниям внучки Егора Михайловича Чехова, Веры Васильевны Руденко, дед был первым грамотным представителем чеховской фамилии. Одно это событие переменяло жизнь Е.М.Чехова и стало решающим в судьбе следующих поколений. Появилось стремление, возможно, не вполне осознанное, подняться выше своей среды. О жизни крепостной семьи деда Чехова известно из дневниковых записей отца писателя Павла Егоровича под названием «Жизнь П.Ч.» Мы узнаем о смертельно опасной холере 1831 года, когда «давали деготь пить» и голоде 1833, когда ели «лободу», то есть лебеду и дубовую кору. Несмотря на жесткие обстоятельства, семилетний крепостной Павел в 1832 году «учился грамоте в Сельской Школе», в десять он «ходил в церковь и пел на клиросе». В 1837 году приезжий «регент диакон» учил маленького Пашеньку играть на скрипке. С тринадцати отец будущего писателя поет в церковном хоре, а спустя годы сам организует церковный хор, станет обучать своих детей игре на музыкальных инструментах. Марию на пианино, сына Николая - на скрипке. За год до освобождения из крепостных, пятнадцатилетний Павел Егорович учился сахароварению на чертковском заводе у арендатора Гирша. Позже он наладит с ним деловые отношения по закупке сахара для своей таганрогской лавочки.

Грамотного Егора Михайловича в хозяйстве Черткова привлекали к торговым и конторским делам. Он вел учет зерна, меда, участвовал в отправке гуртов скота в города России. Он побывал в Москве, Туле, Орле, Калуге, где пристроил старшего сына Михаила на житье, на ученье переплетному делу, Харькове, Ростове-на-Дону. Он зарабатывал, копил деньги. Сопровождая в пути скот, изучил южные степи. Там и поселился спустя годы. Возможно предположить, что открытое пространство любил с детства - в долине речки Черная Калитва, где родился, леса перемежались со степью. Спустя годы любовь к степи в своем творчестве воздаст внук Антон. Будущий писатель в дни гимназических каникул ездил к дедушке Егору из Таганрога в имения графа Платова через Приазовскую степь. И был ею очарован.

В 1841 году до Великой реформы по освобождению крестьянства оставалось двадцать лет. Заплатив 875 рублей серебром или 3500 рублей ассигнациями (это были большие деньги!), Е.М. Чехов вместе с женой, тремя сыновьями и дочерью освободился от крепостного состояния. Дочь Александра вышла без выкупа по решению помещика.

Спустя два года, как свидетельствует дневник Павла Егоровича, «выехали совсем с родины в Зайцовку к дедушке Шимке», то есть к тестю Емельяну Шимко. По словам, вместе со скарбом вывезли два короба с книгами. Читать Егорка, дед Чехова Егор Михайлович, выучился в 14 лет и стал первым грамотным среди Чеховых. За чтение, а значит, за отвлечение от обязательных работ, могли высечь. Крепостной Егорка сделал философский выбор: «Нас секут за всякие провинности и часто без всякого повода, и мы все терпим, за это - я тоже потерплю».

Случайность стала Случаем, а позже - судьбой. Воля, труд, скрупулезность в накоплении денег и удача в откупе на волю стали поворотными для него и его потомков. Братья Е.М.Чехова - Иван, Артем, Семен, их дети так и остались крепостными до известного Манифеста об отмене крепостного права 19 февраля (3 марта по н.ст.) 1861 года. Если бы не имя Чехова, их судьба так и осталась бы незамеченной. В 1844 году Егор Михайлович окончательно оставил родные места и перебрался за 400 км на юг.

Своих сыновей он пристроил в Калугу, Ростов, Таганрог. Сам живет в слободе Малая Волчья Волчанского уезда Харьковской губернии вместе с женой Ефросиньей Емельяновной и внучкой Анастасией Кожевниковой от дочери Александры. Затем он устроится в слободе Большой Крепкой, ныне Родионово-Несветайский район Ростовской области. Из Малой Волчьей 1 марта 1860 года Егор Михайлович шлет сыну Павлу в Таганрог письмо с поздравлением о рождении третьего внука Антона, которое без сокращений можно прочесть в музее «Домик Чехова»: «изъявляя нам сердечную радость о новорожденном 3-м нашем внуке, Антонии Великом дедушка Георгий жертвует для мамыши великого Антония, милой нашей Евочки, из собственной нашей суммы десять рублей серебром».

«Антоний Великий!», «Великий Антоний», вторит дед, воздавая в большей мере хвалу святому, в честь которого нарекли внука. В этом же письме Егор Михайлович приглашает прислать к нему «многолюбящего нашего внука Сашиньку, г-на Чехова. Мы его отдадим в Харьковскую гимназию учиться». Первенцу Павла Егоровича Александру в это время было неполных пять лет, а дедушка уже готов его учить и, надо думать, платить за обучение. Обратим внимание, что не в мальчики-лавочки, не ремеслу учиться, а в гимназию желает определить дедушка внука. Все дети Павла Егоровича учились в гимназии, в отличие от детей братьев Михаила и Митрофана Егоровичей.

Старший внук Егора Михайловича, тринадцатилетний Миша, в 1864 году был отдан из Калуги в «мальчики» в амбар купца Гаврилова в Москве. Незадолго до кончины Е.М.Чехова, вышеназванный внук Михаил Михайлович в письме к сестре Елизавете представляет дедушку как «очень хорошего и прямого старичка».

Иным Егор Михайлович показался другому внуку - Саше, тому самому, которого дед желал определить в харьковскую гимназию. Побывав вместе с братом Антоном в гостях у бабушки в фамильном имении Платовых Княжая в 1871-1872 годах, Саша соглашается с тем, что местные крестьяне называют его деда «аспидом». Кузнец Мосий, поняв, что внуки Егора Михайловича - Саша и Антоша - не ябедники, пояснил: «Очень его у нас не любят. И я, грешный, его недолюбиваю. Перекинулся он на сторону графини и очень народ допекает. Вместо того, чтобы иной раз заступиться, он сам на мужика насаждает. Нет ни одного человека, чтобы о нем хорошее сказать. А ведь он и сам из мужиков...».

Немало страшного в эти каникулы узнал Антон о крестьянской жизни, а также об изнанке жизни своих бабушки и дедушки. Многие стали понятны в поведении их отца Павла Егоровича. «Наследственность» проявлялась и в порке детей, и в сотнях земных поклонов за провинность, которые присуждал вначале дед Павлу и Митрофану, а затем Павел Егорович своим сыновьям.

В гостях у бабушки братьям Чеховым досталось за ловлю простыней вместо бредня сомов в местном пруду. Егор Михайлович, отметил в своих воспоминаниях Ал.П. Чехов, произнес «лестную фразу»:

- Ученые дураки! Что у вас, из вашей гимназии, все такие же ученые дураки, как и ты, выходят?

Дед имел в виду коновода Сашу. За обедом дед нашел повод и разразился очередной бранью: «Ты осел! Ты бык! Ты верблюд! Не уважаешь старших! Ты...».

Е.М. Чехов, по мнению английского слависта Дональда Рейфилда, был безжалостным и эксцентричным. Он порол своих сыновей за любой проступок. После одного наказания у Павла Чехова развилась грыжа, и он носил бандаж всю свою взрослую жизнь.

Сам Чехов в письме к жене Ольге Книппер-Чеховой писал из Ялты: «...от природы характер у меня резкий, я вспыльчив и проч. и проч., но я привык сдерживать себя, ибо распускать себя порядочному человеку не подобает. В прежние времена я выделял черт знает что. Ведь у меня дедушка, по убеждениям, был ярый крепостник».

Воспоминания Ал.П. Чехова донесли до нас так же иное мнение об Егоре Михайловиче, как о человеке, способном на великодушие и добро. Так, одного кузнеца он «в люди вывел». Сын кухарки Гараська рассказал, что Егор Михайлович дал приют ему и его матери. Мать он определил в кухарки с жалованьем в полтора рубля.

Говоря о Егоре Михайловиче, нельзя сойтись в одном мнении. С толку сбивают разноречивые свидетельства, а еще больше - его наставительные письма уверенного, сильного, глубоко верующего человека. По воспоминаниям любимой внучки Е.М. Чехова Веры Васильевны Руденко, известно, что первое, чем стал заниматься молодой крепостной Егорка в конторе - учитывать почтовые поступления и отправления. Не отсюда ли у Егора Михайловича любовь к слову, ставшая семейной для трех поколений! Помимо Егора Михайловича, письма любили писать его сыновья Павел и Митрофан, внуки Александр, Антон. Известно, что в одной только переписке Александра и Антона Павловичей около тысячи писем, а эпистолярное наследие Антона Павловича составляет около 8 тысяч единиц.

Деловая жизнь Егора Михайловича была полна поездок по России с молодых лет. Ученые утверждают, что тяга к путешествиям обусловлена генетически. Мы знаем, что Антон Павлович охотно путешествовал, а его поездку на остров Сахалин по праву называют гражданским подвигом. Привычка вставать рано и работать, желание работать на земле, буквально легендарная честность, любовь к порядку, любовь к семейному очагу и даже аккуратность в одежде - все это черты фамильного поведения Чеховых, и Егор Михайлович стоял во главе их. Так, приезжая в Таганрог, Егор Михайлович носил синие суконные штаны, похожие на комбинезон. Хранил их в сундуке у сыновей, а по приезде надевал, чем вызывал шутки внуков-гимназистов.

Е.М. Чехов служил в имении графа Платова почти до самой своей кончины в марте 1879 года. Донщину он оставил спустя полгода после смерти жены в феврале 1878 года. Из переписки с сыном Павлом известно о последних драматических годах жизни бабушки Чехова. Ефросинья Емельяновна вместе с мужем приезжала в Таганрог к сыну Митрофану на Троицу в 1876 году. Это была ее последняя встреча с внуками. Вскоре она упала и сломала ногу. Спустя год Егор Михайлович сообщал Павлу Егоровичу в Москву: «Я здоров, а мать ваша в постели лежит, ходить не может, вот уже на Петров день год будет». Ефросинья Емельяновна больше не поднялась, и вскоре «кости высохли, как щепки». «Она страдает, - писал Е.М. Чехов в январе 1878 года из Княжей, - а я убит до изнеможения духа и сил моих. <...> Она говорит: «Я породила и видела у себя детей, но их нет, разыдашася по лицу земли, они бы мне теперь помогли и пожалели при такой великой моей нужд».

Выехав из Княжей, Е.М. Чехов навестил своих родных в Таганроге, Москве, Калуге, а затем поселился у дочери Александры в Твердохлебово доживать дни свои. Навещая детей и внуков, отправляя письма, Егор Михайлович постоянно внушал, твердо считал, что отчуждение от труда губительно для человека. В январе 1879 года он поделится с сыном Павлом, следуя за мыслью епископа Митрофана Воронежского, формулой праведной жизни: «Яждь мало, пей водки и вина умеренно - здоров будеши. Бегай злого, делай благо - спасен будеши, а вся последняя приложатся вам». Это звучит завещанием и сравнимо с голосом внука Антона устами доктора Астрова: «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли».

Дед Чехова, так стремившийся к свободе, получил ее, но скорее только внешне. Внешняя, не истинная свобода, сохранила в нем раболепие, когда сам чины почитал и для других «аспидом» оставался. Достаточно вспомнить слова Чехова: «...у меня дедушка, по убеждениям, был ярый крепостник» или встречу Егора Михайловича с архиепископом в Калуге, когда, получив в подарок священную книгу, «...пад у ног его и лежа, и сказал: владыко, благослови грешного раба Георгия и чад моих и сосродника».

Внутренне свободным стал только один Чехов - Антон. Он словно вобрал, сконцентрировал в своей личности то, чем не смогли воспользоваться, правильно распорядиться близкие ему люди и, прежде всего, его родные братья.